
РЕЦЕНЗИИ, ИНФОРМАЦИЯ

В. Н. ДАНИЛОВ

ПОЛДЕНЬ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ

Ф. Р. Анкерсмит «История и тропология: взлет и падение метафоры». М., 2003 г.

Книга Франклина Рудольфа Анкерсмита – голландского ученого, профессора теории истории Гронингенского университета, – подготовленная к изданию на русском языке М. А. Кукарцевой в содружестве с Е. Н. Коломоец и В. Е. Кашаевым и вышедшая в издательстве «Прогресс-Традиция», представляет собой ценный источник для специалистов в области философско-исторических исследований XX века. Анкерсмит – крупный представитель так называемой лингвистической философии истории, сформировавшейся в связи с «лингвистическим поворотом» в философии XX века вообще и инспирированной выходом в 1973 г. монографии Хайдена Уайта «Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX века»¹.

Книга Анкерсмита включает в себя расположенные в хронологическом порядке статьи, отражающие динамику мысли исследователя за десять лет, с момента выхода в 1983 г. его программной работы «Нарративная логика. Семантический анализ языка историков», также изданной в России в 2003 г.². Всего в рецензируемой работе Анкерсмита семь глав, причем первая из них тезисно излагает базовые принципы разрабатываемой философом нарративной философии истории, а следующие шесть, соответственно

---

¹ Русский перевод Уайт Х. Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX века / Пер. с англ.; Под ред. Трубиной Е. Г. и Харитоновой В. В. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2002.

² См.: Анкерсмит Ф. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков / Пер. с англ. О. Гавришиной, А. Олейникова; Под науч. ред. Л. Б. Макеевой. М.: Идея-Пресс, 2003.

«Дилемма современной англосаксонской философии истории»; «Использование языка в историописании»; «Историческая репрезентация»; «Эффект реальности в историописании. Динамика историографической топологии»; «Историография и постмодернизм»; «Историзм и постмодернизм. Феноменология исторического опыта», выявляют развитие мысли автора на пути создания его собственной теории прочтения исторического прошлого – от исследований нарративных структур историописания к концепции опыта исторического прошлого.

Анкерсмит объявляет свою работу постмодернистской. В движении от классического историзма Ранке через спекулятивную философию истории, через полемику исторической герменевтики и теории модели охватывающего закона к структурализму Уайта и, в конце концов, к постмодернизму он видит интригу европейской философии истории. Суть интриги в том, по его мнению, что философия истории вернулась к тем же содержаниям, из которых и исходила, накопив, однако, по ходу дела весьма солидный культурный капитал.

Автор большой вступительной статьи М. А. Кукарцева, тщательно проанализировав текст Анкерсмита, обозначила «основные акценты в интеллектуальной конструкции философа»³, выявила связи этих конструкций с иными моделями философии истории XX века. В результате, во-первых, осуществлена большая описательная и аналитическая работа, безусловно, важная для пополнения интеллектуального и информативного багажа отечественной философско-исторической науки, а во-вторых, оказана немалая помощь читателю в проникновении в весьма непростые построения голландского философа. Вообще, необходимо отметить большой труд, выполненный переводчиками книги, изложившими оригинальные идеи автора и смысл его философских интенций ясным языком, не исказив и не «дополнив» их собственным видением проблем философско-исторического знания.

Во введении Анкерсмит подробно останавливается на такой важной для него проблеме, как исторический текст. Именно он есть объект исследования в лингвистической философии истории. По

---

³ Кукарцева М. А. Ф. Анкерсмит и «новая» философия истории // Анкерсмит Ф. История и тропология: взлет и падение метафоры. М., 2003. С. 16.

мнению Анкерсмита, исторический текст в целом редко являлся, если вообще когда-либо являлся, темой философского исследования. При этом, на его взгляд, все *удачи* философии истории, бесспорно, связаны с исследованием именно феномена исторического текста. Здесь же Анкерсмит подробно рассказывает о методологии своего исследования истории, акцентируя внимание на аристотелевском подходе к концепции познания. Последняя подразумевает максимум непрерывности между объектом и субъектом восприятия, т. е. между эпистемологией и онтологией. Согласно Аристотелю, сознание человека функционирует примерно таким же образом, как и его чувственное восприятие: и в том и в другом отпечатывается образ воспроизводимого предмета, становясь своего рода вещью без предмета, подобно отпечатку на воске. Это – не ознакомление с незнакомым, но превращение знакомого в незнакомое. Перед нами так называемый «эффект зеркала», где зеркало – это наше прошлое, от которого мы отошли на весьма значительное расстояние, но все же вполне способны пережить опыт узнавания как опыт самого прошлого. По мнению Анкерсмита, эта аристотелевская теория опыта и должна лечь в основу новой концепции изучения исторического прошлого.

В главах 1–4 работы Анкерсмит вводит читателя в суть дебатов по философии истории, имевших место в основном в англоязычной философии истории XX века. Он подробно рассказывает о специфике позиции немецкого историзма по отношению к историописанию в целом; о сущности спекулятивных типов философии истории; о способах дать удовлетворительную реконструкцию концепции исторического объяснения, основанную на тезисах «модели охватывающего закона» (МОЗ), и о различных формах коллингвудовской герменевтики. Он утверждает, что долгое время философами истории из виду был упущен тот факт, что разногласия в исторической теории касаются не только прошлого непосредственно, но также и лингвистических объектов, созданных историками, чтобы понять прошлое. Наиболее интересный вопрос в отношении историографии есть вопрос о том, почему историки предпочитают одну интерпретацию *определенной* исторической темы другой. Этот вопрос Анкерсмит исследует в 5–7 главах своей работы. Здесь он обращается к впечатляющему массиву философ-

ско-исторических гипотез, тем и проблем, главными из которых для него все же являются концептуальные построения школы Анналов, микроистории, постмодернизма. Анкерсмит показывает, каким образом постмодернисты – от Ницше до Деррида – подводят под эстетизм всю область репрезентации (исторической) реальности и как это соотносится с природой историописания.

Особый интерес здесь представляет решение Анкерсмитом проблемы того, каким образом возможен оригинальный исторический опыт, нередуцируемый, например, как это происходит в гадмеррианской схематике, к всеобщей историчности опыта. Эпистемологическая фиксация прошлого требует и его онтологической фиксации – в данном случае понятие прошлой реальности, постоянной и существующей независимо от историка, и которая может изучаться как объект. Формулируя свое понимание исторического опыта, Анкерсмит делает решительный шаг к созданию новой, как он говорит, деметафизированной и детрансцендентализованной (неметафорической) философии истории. Традиционная философия истории использовала трансцендентальные ресурсы метафоры для возможности исторического объяснения, поскольку метафора двойным жестом объясняла незнакомое и непонятное через ресурсы понятого и одновременно изымала саму инстанцию, самого субъекта исторической рефлексии из истории. Таковы широкомащтабные философские проекты историописания XX века, например, проекты спекулятивной философии истории Шпенглера, Тойнби и др. Однако к середине XX века, считает Анкерсмит, такие проекты метафизики истории себя дискредитировали. Революционная работа Х. Уайта, по его мнению, показала, каким образом в зависимости от выбора того или иного риторического тропа видоизменяется общий сюжет историописания. История оказывается предметом риторики и шире – лингвистики.

Я полагаю, что понятие исторического опыта, которое вводит Анкерсмит в «Истории и тропологии», инспирируется некоей двусмысленностью двух его радикальных позиций и тем самым само становится двусмысленным. Первая позиция – отношение Анкерсмита к критической философии Канта и шире – к трансцендентализму.

С одной стороны, наследуя критику трансцендентализма в философии истории, например, в его критике Уайта за то, что тропологическая сетка в «Метаистории» поразительно напоминает кантовские категории рассудка⁴, Анкерсмит тем не менее требует введения в философию истории того, что она ранее счастливо избежала, а именно – критики исторического опыта. Избежала потому, что *вообще не имела никакого понятия* по поводу исторического опыта. За текстом Анкерсмита постоянно высвечивается имплицитно заданный им же вопрос: как (еще) возможна философия истории? И ответ, который мы получаем, – как выяснение условий возможности исторического опыта, который не мог бы быть редуцирован никакой другой форме какого бы то ни было опыта, равно как и ни к каким трансцендентальным основаниям, как, скажем, субъект либо язык.

Вторая позиция Анкерсмита – отношение к постмодернизму как современной стратегии исследований в философии истории. Здесь двусмысленность нам видится в одновременном самоотождествлении Анкерсмита с постмодернистской философией истории и тут же с признанием ее недостаточности. По мнению голландского ученого, понятие исторического опыта призвано ввести новое измерение в отношениях между постмодернизмом и модернистской философской практикой, с одной стороны, и классическим историзмом – с другой. Исторический опыт – это понятие, которого модернизм вообще не имел, говорит Анкерсмит, тогда, как суть классического историзма состояла в последовательном вычеркивании этого опыта, сведении его к структурам опыта настоящего. Но классический историзм и модернизм – вещи весьма соизмеримые и здесь, на наш взгляд, необходима большая точность. Анкерсмит полагает, что задача построения новой философии истории на базе феномена исторического опыта определяет специфику постмодернизма в отношении философии истории классического историзма. Эта задача проста по формулировке, но сложна по исполнению. Ведь проблема еще и в том, что эта философия истории, имея дело с экстралингвистической реальностью исторического опыта, не должна быть метафорической. И вот здесь находится то, на что

---

⁴ Анкерсмит Ф. История и тропология: взлет и падение метафоры. С. 11.

Анкерсмит указывает как на недостаточность постмодернизма, ведь он, как и «вся эпистемология, внутренне метафоричен»⁵. Как же бороться с метафорой? Анкерсмит отвечает – самой метафорой, метафоризацией метафоры⁶.

Если суть работы метафоры состоит в том, чтобы уподоблять неподобное подобному, осваивать контекст и присваивать содержания, то работа «против» метафоры оставляет, в соответствии с идеей исторического опыта, нечто не присвоенным, непонятым. Только такая «аметафоричность» в состоянии сконструировать объект постмодернистского исследования истории. Это – работа метафоры против самой себя собственными ресурсами, производящая эффект остраннения, «дефамилиризации»⁷, сохраняющая исторический опыт как таковой, т. е. опыт неизвестного. Это – радикализация метафоры.

В самый ответственный момент, именно тогда, когда все усилия метафоры на максимуме, когда кажется, что ничто не может ускользнуть от ее тотальности, вдруг происходит неожиданная пауза. Работа трансцендентального механизма метафоры как бы замирает, чтобы потом, не заметив самой паузы, вновь набирать обороты. Но что же это за странная остановка, которая делает странным не только саму работу этого механизма, но и то, что оказывается ускользающим от него в момент этой паузы? Анкерсмит сравнивает ее с сиестой в знойный полдень в жаркой стране, когда в разгар рабочего дня необходимо предаться отдыху для того, чтобы просто выжить, когда солнце заставляет на время исчезнуть тени, и тогда на авансцену выходят «монстры полдня», вселяющие в людей панический ужас, – чувство, в котором человек не в состоянии определить источник опасности, то, чего же собственно он боится. Анкерсмит весьма красочно и захватывающе описывает это в седьмой главе своей работы. Опыт, получаемый человеком, пережившим эту паузу, *опыт полдня* и есть собственно, по Анкерсмицу, полное подобие исторического опыта. Суть его не столько в получении некоторой возможности знания прошлого, но в получении опыта (адекватного чувства) различия прошлого и настоящего, которое настолько оттеняет прошлое, что делает его близким, понят-

---

⁵ Анкерсмит Ф. История и тропология: взлет и падение метафоры. С. 391.

⁶ Там же. С. 405.

⁷ Там же. Напр., с. 411.

ным, своим. Возможно, как замечает М. Кукарцева, идея Анкерсмита об историческом опыте, представляет собой первый шаг к конкретному воплощению философско-исторических рассуждений о реальном проникновении в прошлое человечества.

Но я не буду ради сохранения читательского интереса выдавать суть интриги, которую закручивает Анкерсмит. Не буду отвечать и на вопрос о том, каковы же артефакты исторического опыта, а также существует ли и если да, то какой именно, пример работы историка, на котором можно было бы с наглядностью проиллюстрировать эффективность концептуальных построений голландского ученого. Все это и многое другое, что не известно русскоязычной публике, в том числе даже то, что, казалось бы, и не имеет прямого отношения собственно к философии истории, можно обнаружить в этой, безусловно, достойной самого пристального внимания книге, которая, возможно, откроет новые горизонты и исторической науки.

В заключение еще несколько замечаний, возникающих в связи с некоторыми утверждениями и мыслями автора «Истории и тропологии».

Во-первых, различие Анкерсмитом постмодернизма и так называемой «академической» философии. Работа написана так, что само это различие, чрезвычайно актуальное для современного философствования, удивительным образом оказывается неважным. Постмодернизм в книге Анкерсмита никоим образом не лишен традиционной академической респектабельности. Философия истории не лишается единства, исходя из сомнительного противопоставления «правильной» академически организованной и «зараженной» постмодернизмом мысли. Голландский ученый предпочитает внутривполитическим философским оппозициям соображения концептуальные. Постмодернизму здесь противостоит то, что можно назвать трансцендентализмом в философии истории. «Постмодернизм является радикализацией историзма»⁸, не устает повторять Анкерсмит. Для нас же, людей привыкших рассматривать философские содержания в терминах «классика-неклассика», это звучит так же непривычно, как утверждение, что «постмодернизм – это радикальная классика».

---

⁸ Анкерсмит Ф. История и тропология: взлет и падение метафоры. С. 405.

Во-вторых, для отечественного философствования в целом характерно сведение философии истории к области социальной философии. Для Анкерсмита же философия истории имеет свой специфичный предмет и свой метод, отличный от какого бы то ни было описания социальности. Предметом философии истории здесь являются исторические тексты, нарративы, а методом их анализа – интерпретация в самом широком смысле. Тем самым философия истории, по Анкерсмицу, не является ни социальной наукой, ни какой бы то ни было рефлексией над социальным.

В-третьих, это способ различения автором аналитической и континентальной философии. В отечественной философии принято считать, что это различие невозможно редуцировать, что современная философия не может быть представленной как единая. Для «англо-саксонской», шире – для англоязычной философии и философии, говорящей на других национальных языках, в принципе характерны разные способы выделения предметностей. Анкерсмит же пишет таким образом, что такое различие аналитики и всего остального ничего более не объясняет, оказывается irrelevantным. Он не делит философов на европейцев и американцев, на англоговорящих и всех остальных. Он на одном языке и в равной степени полемизирует и с Гадамером и с Уайтом, цитирует Рорти и Фуко, отсылает к Данто или Барту. Первые главы «Истории и тропологии» связаны с известной дискуссией англоязычной философии между сторонниками модели охватывающего закона и аналитическими герменевтиками, но чем дальше мы углубляемся в чтение книги, тем меньше остается специфически «аналитического». Дрейф Анкерсмита текстуально следует маршруту «аналитика (гл. 1) – феноменология (гл. 7)». При этом ни разу Анкерсмит не оказывается в ситуации философа, осуществляющего смену интеллектуальных позиций, ситуации одиночества «уже отторгнутого, но еще не принятого». Анкерсмит постоянно движется в широком пласте философско-исторических исследований, постоянно рефлексирова над собственным движением.

Еще раз хотелось бы подчеркнуть, что своеобразие и притягательность позиции Анкерсмита в современной философии истории, на мой взгляд, заключается в том, что никакие стандартные отношения его к той или иной концептуальной стратегии, будь то анали-

тика, феноменология или постструктурализм, до конца не могут быть выполнены. Странность позиции Анкерсмита напоминает странность тех дефамилизованных объектов, о которых сам он пишет. Первая глава его книги состоит только из шести тезисов. Для полного формального тождества не хватает еще лишь одного.

«О чем невозможно говорить, о том следует молчать», – таков знаменитый седьмой и последний тезис «Логико-философского трактата» Витгенштейна.

«Мы должны понимать, а не рекомендовать»⁹, – не без постмодернистской самоиронии рекомендует Анкерсмит в последних словах «Истории и тропологии».

---

⁹ Анкерсмит Ф. История и тропология: взлет и падение метафоры. С. 426.